

УДК 94 (47).084.6

КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ В УДМУРТИИ (ВОТСКОЙ ОБЛАСТИ) И КИРОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ВЯТСКОЙ ГУБЕРНИИ) В 1930-1933 гг.

© 2010 О.Н. Леконцев

Глазовский государственный педагогический институт им. В.Г. Короленко

Поступила в редакцию 31.05.2010

Статья посвящена исследованию коллективизации в 1930-1933 гг. после резкого изменения курса И.В. Сталиным и до голода 1933 г. Колхозное строительство в эти годы шло быстрыми темпами, и к концу периода больше половины крестьян стали колхозниками. Колхозы стали испытывать все более нарастающее налоговое давление. Несмотря на повышение уровня сельского хозяйства, крестьяне получали небольшой запас продовольствия, что в конечном итоге привело к голоду 1933 г. Ключевые слова: коллективизация, крестьянство, заготовки, техника.

Резкий поворот в аграрной политике государства в первой половине марта 1930 г. (статья И.В. Сталина “Головокружение от успехов”, постановления ЦК ВКП (б) от 10 и 14 марта) на какое-то время внес разброд в деятельность провинциального аппарата и привел к выходу значительной массы крестьян из колхозов. Однако через несколько месяцев под давлением руководства страны, в первую очередь И.В. Сталина, по всей стране происходит стабилизация, а затем новый подъем колхозного строительства.

Эти довольно драматические события одного из этапов коллективизации сразу же нашли отражение в отечественной науке. Вместе с тем вплоть до конца 1980-х гг. события начала 1930-х гг. показывались в рамках сталинской концепции, по которой позитивно-поступательное развитие колхозного строительства было нарушено местным аппаратом, и, как только И.В. Сталин восстановил справедливость, крестьянство вновь пошло в колхозы. Другим штампом тех лет было создание образа враждебного советскому строю кулачества.¹ С конца 1980-х гг., в условиях перестройки, а затем развала существующего государства, идеология перестала довлеть над наукой, что позволило раскрыть “белые пятна” коллективизации, более объективно рассмотреть колхозное строительство и раскулачивание в 1930-1932 гг. К настоящему времени вышли серьезные исследования по этой теме,² в которых введен в научный оборот большой фактологический материал, дана научная оценка событиям начала 1930-х гг.

Разработка данной темы провинциальной наукой началась в 1960-е гг. Именно в эти годы выходят первые серьезные научные труды, в которых изложена цельная концепция коллекти-

*Леконцев Олег Николаевич, кандидат исторических наук, доцент, декан исторического факультета.
E-mail: ONLekontsev@mail.ru*

визации в регионах, освещен значительный материал. Недостатком работ также являлось широкое использование штампов сталинской историографии.³ В новейший период вышел ряд работ, в которых объективно освещается ход коллективизации, показываются особенности колхозного строительства в регионах.⁴ Вместе с тем и в общероссийской, и провинциальной историографии пока еще нет серьезных работ, полно освещающих события в деревне в начале 1930-х гг. Это делает актуальным проведение исследований по данной теме.

Темпы коллективизации к началу весны в исследуемых регионах были неодинаковыми. В Вотской (с 1932 г. – Удмуртской) автономной области к 1 марта 1930 г. она достигла 82,5%, а в бывшей Вятской губернии (ликвидирована в 1928 г., в 1934 г. восстановлена в виде Кировского края, позднее области) по округам – от 49 до 54,5%. Всего же по Нижегородскому (Горьковскому) краю (бывшая Вятская губерния и Вотская область в 1928-1934 гг. входили в ее состав) коллективизация достигла 48,2%. Однако с марта начинается спад, в результате уже к 10 апреля в Вотской области уровень коллективизации упал до 26%, в бывшей Вятской губернии по районам – от 3,5 до 21%⁵. Падение продолжалось и в последующие месяцы.

Динамика коллективизации по Нижегородскому краю показывает, что в большинстве районов рост колхозов возобновился в конце лета – осенью 1930 г., а в некоторых еще раньше. Центральные органы стремились укрепить эту тенденцию. В резолюциях XVI съезда ВКП(б), прошедшего 26 июня – 13 июля 1930 г., с некоторыми оговорками было одобрено постановление ЦК ВКП(б) о форсированном колхозном строительстве от 5 января 1930 г.⁶ 24 сентября в регионы было отправлено очередное письмо ЦК ВКП(б) о коллективизации. В нем от партийных организаций

требовалось, чтобы на основе “нового прилива крестьян в колхозы в ряде областей” они активизировали колхозное строительство.⁷ Объединенный декабрьский пленум ЦК и ЦКК 1930 г. призвал коллективизировать по СССР за 1931 г. не менее половины крестьянских хозяйств⁸, фактически вернувшись к темпам начала 1930 г.

Все эти документы приносили определенный эффект. Удмуртский обком партии в середине 1930-х гг. отмечал, что настроение и практика на “самотек” аппаратом были в основном преодолены к концу 1930 г. А конец 1930 г. и особенно 1931 г. характеризовались развертыванием массовой политической и организационной работы среди единоличных бедняцко-средняцких хозяйств и дальнейшим разгромом кулачества.⁹ Статистика подтверждает эти выводы. По 8 районам Вотской области с 25 апреля по 5 мая 1931 г. уровень коллективизации вырос с 12,6% до 14,7%¹⁰, а к 1 ноября – до 56,9%.¹¹ Пять районов области из 21 стали районами сплошной коллективизации (Балезинский, Глазовский, Ярский, Карсвайский, Кезский).¹² Всего в 1931 г. из 723983 человек сельского населения области колхозники составляли 339645 человек.¹³ На территории бывшей Вятской губернии из 1852 тыс. человек сельского населения было 591 тыс. колхозников (32%).¹⁴

В последующие месяцы рост колхозов сохранялся. В октябре 1932 г. в обоих регионах было 9765 колхозов, в которых находилось 233511 крестьянских хозяйств, коллективизация достигла 44,3%¹⁵, в том числе в Удмуртии – 58,5%¹⁶. К середине декабря 1933 г. коллективизация достигла по всем районам бывшей Вятской губернии (от 45 до 93%) и в Удмуртской области (77,6%) уровня конца февраля 1930 г.¹⁷

Вместе с тем процесс коллективизации не был поступательно-развивающимся. Неустойчи-

вые тенденции колхозного строительства были заметны в 1931/32 гг. Нижегородский крайком в феврале 1932 г. констатировал, что в ряде колхозов Шарангского, Ветлужского, Котельничского, Яранского, Санчурского, Зюздинского районов имеются выходы из колхозов. Наибольшее снижение было обнаружено в колхозах Малмыжского района – вышло 1067 хозяйств, Санчурского – 373.¹⁸ В свою очередь органы ОГПУ уточняли, что массовые выходы начались со второй половины октября 1931 г. и достигли пика в феврале-марте 1932 г. За октябрь 1931 г. убыло 926 хозяйств, ноябрь – 2397, декабрь – 4916, всего 8239 хозяйств. Наиболее пораженными выходами из районов являлись Малмыжский – 1318 крестьянских хозяйств (9%), Яранский – 1754 (8%) и другие районы. За 1 квартал 1932 г. вышло из колхозов 37229 хозяйств, прибыло за это время 2876 хозяйств. Массовые выходы за 1 квартал 1932 г. снизили процент коллективизации с 45,4% до 43,8%.¹⁹

Тем не менее к 1933 г. массовая коллективизация в деревне была реальностью. Гораздо большей проблемой были размеры колхозов, которые оставались небольшими и малочисленными. Анализ положения по отдельным колхозам показывает это по Удмуртской АО (табл. 1).

В бывшей Вятской губернии по итогам 1931 г. в Слободском районе на 122 колхоза, подавших сведения, приходилось 2194 крестьянских хозяйства (в среднем на 1 колхоз около 18 хозяйств), 1965 лошадей (16 голов), 1020 коров обобщественного стада (8), 1849 коров колхозников (15), 254 свиньи обобщественного стада (2), 127 свиней колхозников (1)²⁰. В Зюздинском районе на 60 колхозов, подавших сведения, приходилось 1133 крестьянских хозяйства (19), лошадей – 1554 (26), коров обобщественного стада – 768 (13), 1291 корова колхозников (22), 607

Таблица 1. Характеристика колхозов Удмуртской области в 1933 г.

Колхоз	Дворов в колхозе	В них человек	Из них трудоспособных	Пашня (га)	Всего земли (га)	Коровы колхозников (колхозов)	Свиньи всех возрастов	Овцы (козы)	Колхозные лошади
Вьль улон	34	128	76	283	304	22 (0)	24 (0)	107 (0)	19
Вьль сюрес	53	259	144	742	755	41 (1)	38 (5)	203 (8)	33
Победа	51	247	91	744	744	32 (1)	10 (5)	116 (44)	45
Красный Лудорвай	68	385	140	850	1179	54 (137)	Н.с. (14)	145 (0)	39
Коминтерн им. Ленина	37	183	78	Н.с.	Н.с.	34	Н.с.	76 (0)	61
Красный май	58	233	113	Н.с.	Н.с.	Н.с.	Н.с. (18)	Н.с. (77)	Н.с.
Свобода	8	44	20	140	175	7 (н.с.)	5 (н.с.)	19	30
Красный воин	47	250	112	472	543	52 (27)	3 (7)	242	80
Красный воин	52	259	139	468	516	56 (0)	105 (0)	200	24

Источник: ГАКО. Ф.Р.2963. Оп.1. Д.38. Л.51-55, 101об.-106, 149-155.

свиней обобщественного стада (10), 247 свиней колхозников (4) и т.д. Официальные органы подтверждали данные статистики: Нижегородский крайком отмечал, что существующие к 1932 г. в крае колхозы – мелкие, особенно в бывшей Вятской губернии²¹, а Удмуртский обком партии добавлял, что колхозы еще слабы в организационном и хозяйственном отношениях.²²

Одним из путей укрепления колхозов была их техническая модернизация. Дореволюционная деревня имела слабые материально-технические ресурсы, а период нэпа лишь частично восполнил потери двух войн. За годы первой пятилетки, по официальным данным, по СССР в деревню поступило 120 тыс. тракторов и на 1600 млн. руб. сельскохозяйственных машин, что более чем в два раза усилило машиновооруженность по сравнению с 1928 г.²³ Однако этого было явно недостаточно, в первые годы массовой коллективизации государство не имело надлежащих средств для радикального подъема сельского хозяйства. В деревню Удмуртии, по опубликованным данным, капиталовложения в 1929 г. составили 3588 тыс. руб. Из них прямые вложения госбюджета составили только 364 тыс. руб. (10,1%), привлеченные средства населения – 784 тыс. руб. (21,8%), остальные средства составили вложения местного бюджета, сельскохозяйственного кредита, потребительской кооперации. В 1930 г. вложения госбюджета составили 829 тыс. руб. (10,4%), привлеченные средства населения – 2081 тыс. (26,0%). И хотя по основным сельскохозяйственным машинам и орудиям в начале 1930-х гг. в Удмуртию было завезено 20456 плугов, 364 бороны, 425 сеялок и т.д., но перелома в техническом оснащении деревни они не внесли.

В 1930 г. в Удмуртии были организованы первые три МТС, в 1931 г. – 3, в 1932 г. – 2, в 1933 г. – 1, итого в 1933 г. в области существовало 6 машинно-тракторных станций. В 1931 г. в МТС было 176 тракторов, в 1932 г. – 227, 1933 г. – 272. МТС значительно усилили механизацию производства, но преувеличивать их значение нельзя. В 1932 г. они обслуживали по Удмуртии 371 колхоз из 2366 (15,7%), обрабатывая 28% посевной колхозной площади, в 1933 г. – 459 колхозов из 2729, обрабатывая 27% площади.²⁴

Недостатки колхозного строительства привели к противоречивым результатам. Если в 1905-1914 гг. в среднем по исследуемым регионам урожай ржи составил 6,7 ц,²⁵ то в 1928 г. в Вятской губернии урожайность зерновых составила 7,6 ц с га, в 1932 г. – 8 ц.²⁶ В том числе урожай озимой ржи составил в 1931 г. 8,1 ц с га, в 1932 г. – 8,7, овса – 7,5 и 6,9, ячменя – 7,3 и 6,7, картофеля – 79 и 62, лен-семя – 2,2 и 1,8 ц с га.²⁷ В 1933 г. урожайность зерновых составила 8,7 ц, в том числе озимая рожь – 10,2 ц, овес – 7,3, ячмень – 8,3.²⁸ Валовой

сбор зерновых составил в 1928 г. 12 млн. ц, в 1932 г. – 15 млн. ц, в 1933 г. – 16 млн. ц.²⁹ В целом в 1933 г. по стране зерновых было собрано 89,804 млн. т., в 1934 г. – 89,387 млн. т.³⁰

Налицо было явное увеличение урожайности и валовых сборов по сравнению с дореволюционным уровнем. Вместе с тем урожай по районам был неодинаков. В 1932 г. по будущей Кировской области количество районов, собравших от 4 до 8 ц с га озимой ржи, составило 26,3%, в 1933 г. – 13,3%; от 8 до 9 ц – 50% и 13,3%, от 9 до 11 ц – 23,7% и 53,4%. Свыше 11 ц с га в 1932 г. не было, в 1933 г. от 11 до 12 ц с га – 20%. По другой распространенной культуре – овсу, от 4 до 8 ц с га в 1932 г. получили 57% районов, в 1933 г. – 61,3%; от 8 до 11 ц с га – 32% и 25,8%. По картофелю в 1932 г. урожай 60-70 ц с га получили 71,4% районов, остальные районы получили от 70 до 100 ц, в 1933 г. минимальный урожай с 71 до 80 ц с га получили 34,4%, остальные районы – с 80 до 100 ц с га.³¹

В Удмуртии посевная площадь к 1932 г. увеличилась на 10,8% по сравнению с 1928 г., главным образом по льну и картофелю. Количественный рост посевов по области, однако, не сопровождался соответственным повышением урожайности. По зерновым она повысилась за 1928-32 гг. по сравнению с 1924-25 гг. лишь на 0,5 ц, а по льну понизилась. В целом же за годы первой пятилетки по области, по официальным данным, был достигнут рост валовой продукции сельского хозяйства на 11,2%, в том числе рост продукции растениеводства – на 32,2%.³²

Резервы развития земледелия были очевидны и в то время. Кировский крайком партии отмечал следующие недостатки, ликвидация которых позволила бы увеличить валовые сборы:

- «Печальные результаты векового трехполья – распыленность и истощенность почв – совершенно не ликвидированы;

- Засоренность полей. В ряде случаев засоренность полей грозит перерасти в стихийное бедствие для полевого хозяйства;

- Введенные в 1933 году многопольные севообороты не обеспечили и не могли обеспечить решительного плодородия почв, так как за немногими исключениями они не имели травяного клина – этого радикального средства приведения почв в культурное состояние. Они также не обеспечили выполнение борьбы с сорняками. Наоборот, господствующий в области семипольный зерновой оборот без травяного поля агротехнически стоит ниже, чем трехполье, и посевом яровых зерновых способствует повышению засоренности полей;

- Сорняки не только снижают урожай, но и превращают продовольственное зерно в непри-

годный продукт. Так, в Киясовском, Каракулинском, Сарапульском, Воткинском и Яранской группе районов посевы яровой пшеницы, засоренные полынью, дают горький, непригодный к употреблению хлеб³³.

Помимо извечных, вековых причин, тормозящих развитие сельского хозяйства, большой удар, особенно в сфере животноводства, нанесла коллективизация. Происходит заметное снижение поголовья. Так, в Удмуртии поголовье лошадей в 1928 г. составляло 198,2 тыс. голов, в 1932 г. оно сократилось до 138,1 тыс., в 1933 г. – до 141,2 тыс.; поголовье крупного рогатого скота – соответственно 364,7, 244,1 и 262,2 тыс. голов; свиней 232,7, 93,4 и 130,4 тыс.; овец и коз – 660,2, 558,2 и 599,4 тыс. голов. Удмуртский обком партии отмечал, что “животноводство за годы реорганизации понесло большой урон..., перенесло наиболее болезненно, в сравнении с прочими отраслями сельского хозяйства”³⁴.

В Вятском округе отмечалось по итогам коллективизации абсолютное снижение поголовья крупного рогатого скота и свиней.³⁵ Особенно большой падеж был молодняка.

Причины такого состояния властные структуры того времени видели в том, что в первые годы коллективизации скот зачастую не был обеспечен помещениями и достаточной кормовой базой. При недостатке зооветеринарных кадров организационную и зооветеринарную помощь фермы получали совершенно недостаточно. Остатки гигантомании от начального периода коллективизации остались в организации товарных ферм колхозов. Было создано значительное количество неэффективных межколхозных товарных ферм. О том, что все это было следствием форсированной коллективизации, умалчивалось.

Удой коров на фермах был чрезвычайно низок. Например, в 1933 г., по данным квартальных отчетов ферм 4 районов Удмуртской области, средний удой на 1 корову составил только 7,85 центнера, отдельные же фермы давали средний удой на 1 корову даже 5-6 центнеров.³⁶

Первый секретарь Удмуртского обкома партии Акоюн в 1933 г. оценивал такое состояние животноводства в области как позорное. По его данным, для 1930-х гг. средняя годовая удойность 1200 литров была рекордом, надои в 500-600 и даже 150 литров в год были повседневностью.³⁷

В бывшей Вятской губернии на примере проверки Чайкинского сельсовета Вятского района (1932 г.) видно, что продуктивность рогатого скота во всех колхозах была чрезвычайно низкой. Удой коров в колхозе “Искра” после отела был около одного литра в день, а в среднем по колхозам сельсовета – до 3-4 литров. Только в колхозе “Труд” удой держался на уровне 9-10 литров.³⁸

Таким образом, динамика развития растениеводства при всех недостатках была относительно положительной, поголовье животноводства под давлением негативных факторов коллективизации топталось на месте или даже сокращалось. В таких условиях тяжелым грузом для сельского хозяйства были различные натуральные и денежные поставки государству. Одним из основных документов стало постановление СНК СССР и ЦК ВКП (б) от 19 января 1933 г. “Об обязательной поставке зерна государству колхозами и единоличными хозяйствами”, которое отменяло контрактационную систему, вводило твердые нормы сдачи и жесткие сроки. Нормы единоличников были выше на 5-10%. С другой стороны, запрещались встречные планы.³⁹

Отдельным направлением была оплата работы МТС. 5 февраля 1933 г. был утвержден типовой договор между МТС и колхозами об оплате натурой работ, произведенных МТС, а 25 июня 1933 г. постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) типовой договор приобрел силу закона, председатели колхозов, директора МТС, руководители партийной и советских структур на местах стали нести персональную ответственность за выполнение договора.⁴⁰

С расширением коллективизации основой налоговой базы стали колхозы, ставшие удобной базой для выкачивания продовольствия из деревни. Уполномоченный при Нижнежикинском райкоме УАО отмечал, что с распределением контрольных цифр колхозам по хлебозаготовкам в своих директивах крайком партии дал такую установку: “Использовать возможности установления большего для продажи хлеба государству, чем установлено, ... т.е. большую часть заготовок провести за счет колхозов”. Это мотивировалось тем, что в колхозах хлеб есть, там легче выполнить заготовку”.⁴¹

Поставки стремительно росли. По СССР в 1929 г. было собрано 967 млн. пудов, в 1930 г. – 1338 млн., в 1931 г. – 1358 млн., в 1932 г. – 1122 млн., в 1933 г. – 1379 млн. пудов. По Нижегородскому краю в 1930 г. был принят план в 132000 тонн, в 1932 г. – 700 тыс. тонн.⁴² В 1931 г. план хлебозаготовок только по Удмуртии составлял 120 тыс. тонн, то есть почти столько же, сколько по всему Нижегородскому краю в 1930 г.⁴³

Цифры поставок позволяли руководству страны быть оптимистами. В.В. Куйбышев на июньском пленуме ЦК ВКП(б) 1933 г. заявил, что ранее потребляющие регионы становятся зернопроизводящими. Он отметил, что Горьковский край в 1933 г. по отношению к 1929 г. сдал 205%. В 1933 г. край заготовил 505 тыс. тонн при потребности 300 тыс. т.⁴⁴

Если рассматривать положение уровнем ниже, то, например, по Мултанскому району

Удмуртии в 1930/31 г. хлебозаготовки составили 4200 тонн, а в 1931/32 г. намечалось заготовить 3200 тонн по колхозному сектору и 2500 тонн по индивидуальному⁴⁵.

На примере Удмуртской области видна организация этого процесса. Для ускорения сдачи поставок от обкома и облисполкома были мобилизованы ответственные уполномоченные (по одному на район), дополнительно были посланы рабочие бригады и взят курс на максимальную мобилизацию сил в районах. В части сельсоветов проводились расширенные пленумы с участием колхозников и местного актива. На них рассматривались ход и выполнение хлебозаготовок, других мероприятий. По докладам принимались решения, в основном сводившиеся к мобилизации сил с разбивкой их по отдельным населенным пунктам с постановкой конкретных задач. Отправленным уполномоченным по хлебозаготовкам была дана установка без выполнения плана к намеченному сроку без разрешения из районов не выезжать.⁴⁶

В условиях сложной экономической ситуации заготовительная политика государства в 1930-33 гг. продолжала ужесточаться. Так, в 1932 г. крайком партии разослал в райкомы партии жесткие телеграммы за подписью А.А. Жданова, в которых предлагалось секретарю райкома в 48-часовой срок телеграфировать в крайком, какие репрессии принимались к колхозному руководству и индивидуальному сектору, выдвигались требования любыми способами выполнить план.⁴⁷

В свою очередь Удмуртский обком партии телеграфировал в районы: "Пример насковозь оппортунистического отношения хлебозаготовкам секретари Пургинского, Зуринского Возмищев, Селтинского Шивров, не выполнили данные пленуму обещания секретари Можги и Глазова районов. Занимаются очковтирательством секретари Мултанского, Балезинского. Обком предлагает объявить ударной пятидневку, объявить выговор секретарям Сюмсинскому, Зуринскому, Мултанскому, премировать секретарей Граховского, Алнашского. Работу заготпунктов возложить под контроль ГПУ"⁴⁸.

Примером государственной политики в деревне являлся 1932 г. На 15 сентября план хлебозаготовок в Удмуртии был выполнен только на 28%. Органы ОГПУ активизировали свою деятельность, и за время с 15 сентября по 15 ноября было ликвидировано 36 контрреволюционных кулацких групп, арестовано и привлечено к ответственности 167 кулаков и твердозаданцев. Кроме того, было "изъято к.р. кулаков и АСЭ" – 314 человек, привлечено к ответственности за выдачу, расхищение, распространение и получение фиктивных хлебных квитанций 223 человека.⁴⁹ Пос-

ле такой деятельности ко 2 ноября план хлебозаготовок по Удмуртии был выполнен на 100,1%.

Подобная политика приводила к неоднозначным итогам продовольственного положения крестьян. Натуральная оплата регулировалась постановлением Наркомата земледелия и Колхозцентром от 11 июля 1932 г. Правления колхозов были обязаны по окончании сдачи продукции по установленному плану государственных заготовок зерновых культур и после выделения семенных и фуражных фондов всю остальную причитающуюся часть продовольственного и кормового зерна без всякой задержки распределить между колхозниками. Примерное распределение проходило в соответствии с установкой партийных органов по выдаче на руки по 50-60% валового дохода. Хорошие урожаи позволили в благоприятные годы увеличить доходы крестьян. В целом по стране в 1932 и 1934 гг. выдача по трудодням зерновых на один двор увеличилась с 6 до 9 ц, трудодень составил в 1932 г. – 2,3 кг, в 1934 – 2,8.⁵⁰

Положительные примеры были и по исследуемым регионам. В будущей Кировской области, по донесениям за 1932 г., в колхозе "Большевик" Арбатского района беднячка Ульяна Калинина до вступления в колхоз в своем хозяйстве получала продукцию на сумму 52 р. 66 к., имея 1 корову, 4 овцы, в колхозе же получила 8,5 ц ржи, 5 ц ячменя, 16 кг пшеницы, 9 ц сена, 8,5 ц соломы, в приусадебном участке имела корову, 10 овец и 2 свиньи. В этом же колхозе середняк Клепцов получал в своем хозяйстве 12 ц ржи, 7 ц овса, 8 ц ячменя, имел лошадь, корову и 4 овцы, в колхозе заработал на трудодни 26 ц ржи, 16 ц ячменя, 0,5 ц пшеницы, 28,5 ц сена, 26,5 ц соломы и деньгами 186 рублей, в приусадебном хозяйстве содержит корову, 5 овец, 1 свинью и 3 поросенка.⁵¹ Районное руководство (Вятского района) указывало в январе 1933 г., что если в 1931 г. на каждое хозяйство (в среднем) приходилось 6,4 ц зерновых и бобовых, то в 1932 г. – 14,35 ц. "Сейчас колхозник не только обеспечен на круглый год хлебом, но некоторые из них будут продавать хлеб на советском рынке... Колхозная система на фактах и примерах доказала единоличнику всю свою жизненность и преимущество."⁵²

При обследовании Б. Учинского сельсовета Можгинского ероса (1933 г.) Удмуртской области проверяющие пришли к выводу, что лозунг "Кто больше и лучше работает, тот больше получает" осуществлен: "Колхозник Городских Анисим ранее был бедняк, вступил в колхоз в 1931 г. Хлеба не хватало до вступления в колхоз. В 1931 и 1932 г. получил всех культур по 3 кг на трудодень, ныне получает 3 кг 900 гр. Таким образом на его трудодни приходится получить 175 пудов хлеба, кроме того его хозяйство получает 280 руб. и 20 фунтов меда, семья состоит из 6 человек"⁵³.

При отчете Зуринской парторганизации УАО за 1932 - 33 гг. отмечалось, что в 1933 г. колхозники 15 колхозов получают от 3 до 6 кг на трудодень, 97 колхозов – от 2 до 3 кг и 36 колхозов – от 1 до 2 кг. Ударники полеводческого производства колхоза “Гондыркуш” Кузьма Шкляев и Алексей Романов получили по 85 пудов хлеба, С.Е. Ширококов – 117 пудов, 457 рублей. Л.П. Шишкина – беднячка, “до вступления в колхоз ничего не имела, семья 2 человека, трудоспособных одна, получает 51 пуд хлеба, 140 руб. деньгами, имеет телку, овец, интересуется чтением газет”⁵⁴.

В целом по РСФСР зерновых и бобовых в 1932 г. по трудодням колхозниками было получено 6,53 ц, в 1933 г. – 10,08 ц, в 1934 г. – 13,55 ц. Картофеля соответственно – 2,31, 7,00 и 8,24 ц. Деньгами – 89, 101 и 134 руб. В среднем на трудодень приходилось зерновых в кг в 1932 г. 2,6 кг, в 1933 г. – 3,0 кг, 1934 г. – 3,6 кг, картофеля соответственно – 0,9, 2,1 и 2,2 кг. При этом в среднем по СССР на одного работника приходилось трудодней в 1932 г. – 116, в 1933 – 156, 1934 – 179.⁵⁵

В Горьковском крае из 6842 существующих колхозов в 1933 г. получили менее 1 кг 309 колхозов, в 1934 г. – 642 колхозов, 1,1-3 кг – 2560 и 3180 колхозов, 3,1-5 кг – 2309 и 2289 колхозов, 5,1-10 кг – 1489 и 720 колхозов, 10,1-20 кг – 175 и 11 колхозов.⁵⁶

Низкими, правда, были денежные доходы. По РСФСР один трудодень оплачивался в 1932 г. 25 коп, в 1933 г. – 30 коп, в 1934 г. – 35 коп. По Слободскому району в 1931 г. трудодень оценивался от 10 коп. до 1 руб. 50 коп., в 1932 г. – от 50 коп. до 2 руб. 15 коп,⁵⁷ но полунатуральному крестьянскому хозяйству это разорением не грозило. Все это позволяло местному и региональному руководству оптимистично рассматривать ситуацию в деревне. Первый секретарь Горьковского крайкома А.А. Жданов писал в “Правде”: “В Горьковском крае... [к] лозунгу тов. Сталина – сделать всех колхозников зажиточными, сделан крупный шаг”⁵⁸.

В свою очередь Удмуртский обком партии указывал, что многие колхозы уже на деле осуществляют лозунг И.В. Сталина “Превратить все колхозы в большевистские, а всех колхозников в зажиточные”. Примерами таких колхозов назывались коммуна “Трактор” Можгинского района, артель “Ударник” Ижевского района, артель “Падера” Балезинского района и т.д.⁵⁹

Такие достижения наряду с административным давлением вели к сохранению темпов коллективизации в 1931-1932 гг. Однако за фасадом благополучия и богатой жизни колхозников скрывалось напряженное положение в сельском хозяйстве. В Удмуртии и будущей Кировской области в 1930-1932 гг. каждый сезон происхо-

дили частичные неурожаи. Из-за этого вкупе с тяжелой налоговой политикой государства крестьяне никак не могли накопить достаточные продовольственные резервы. И когда в сезон 1932/33 г. погодные условия стали особенно неблагоприятными, в исследуемых регионах, как и во многих других, начался голод. Это завершило данный этап коллективизации, очередной начался с 1935 г. после хорошего урожая.

ПРИМЕЧАНИЯ

- ¹ Анисимов Н.И. Победа социалистического сельского хозяйства. М., 1937; Лантев И. Советское крестьянство. М., 1939. Данилов В.П. Создание материально-технических предпосылок коллективизации сельского хозяйства в СССР. М., 1957; Трапезников С.П. Исторический опыт КПСС в социалистическом преобразовании сельского хозяйства. М., 1959; Селунская В.М. Борьба Коммунистической партии Советского Союза за социалистическое преобразование сельского хозяйства. М., 1961 и т.д.
- ² Ивницкий Н.А. Судьба раскулаченных в СССР. М., 2004; Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5 т. / Под редакцией В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2000-2002; Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. Документы и материалы в 4 т. / Под редакцией Береловича А., Данилова В. М., 2000-2003.
- ³ Очерки истории Кировской организации КПСС. Часть 2. Горький, 1969; Очерки истории Удмуртской организации КПСС. Ижевск, 1968.
- ⁴ Никитина Г.А. Удмуртская община в советский период. Ижевск, 1998; Куликов К.И. Удмуртская автономия: этапы борьбы, свершений и потерь. Ижевск, 1990; История Удмуртии. XX век. / Под редакцией К.И. Куликова, Ижевск, 2005; Энциклопедия земли Вятской. Т.4. Киров, 1998.
- ⁵ Государственный общественно-политический архив Нижегородской области. Ф.2. Оп.1. Д.267. Л.48.
- ⁶ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.9. Т.5. М., 1984. С.127.
- ⁷ Там же. С.214-215.
- ⁸ Там же. С.234.
- ⁹ Центр документации новейшей истории Удмуртской Республики. Ф.16. Оп.1. Д.1985. Л.7.
- ¹⁰ Там же. Д.978. Л.6
- ¹¹ Там же. 1190. Л.6.
- ¹² Там же. 1985. Л.7.
- ¹³ Центральный государственный архив Удмуртской Республики. Ф.16. Оп.1. Д.1001. Л.7.
- ¹⁴ Государственный архив Нижегородской области. Ф.Р-1519. Оп.1. Д.93.
- ¹⁵ Государственный архив Кировской области. Ф.Р-2963. Оп.1. Д.1. Л.3.
- ¹⁶ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.1985. Л.8.
- ¹⁷ ГОПАНО. Ф.2. Оп.1. Д.1973. Л.65-66.
- ¹⁸ Там же. Д.1596. Л.20, 24.
- ¹⁹ ГАНО. Ф.Р-1519. Оп.1. Д.85А. Л.12-13.
- ²⁰ Там же. Оп.2. Д.4. Л.1-8.
- ²¹ Государственный архив социально-политической истории Кировской области. Ф.1255. Оп.1. Д.3. Л.3.
- ²² ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.1985. Л.7.
- ²³ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Изд.9. Т.6. М., 1985. С.11.
- ²⁴ 10 лет Удмуртской автономной области. Хозяйственное и культурно-социальное строительство. 1921-1931. Ижевск, 1931. С.60.

- ²⁵ Горьковская коммуна, 1934. №28, 3 февраля.
²⁶ ГАСПИКО. Ф.1290. Оп.6. Д.279. Л.3.
²⁷ Там же. Ф.1255. Оп.1. Д.642. Л.26, 28.
²⁸ Там же. Ф.1290. Оп.1. Д.296. Л.52.
²⁹ Там же. Оп.6. Д.279. Л.3-4.
³⁰ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927-1939. Документы и материалы. В 5 томах. Т.4. / Под ред. В. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М., 2002. С.487.
³¹ ГАСПИКО. Ф.1255. Оп.1. Д.642. Л.26-27.
³² ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.1985. Л.4-5.
³³ ГАСПИКО. Ф.1290. Оп.1. Д.296. Л.52.
³⁴ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.1985. Л.9-9об.
³⁵ ГАКО. Ф.Р-877. Оп.1. Д.6. Л.41.
³⁶ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.1985. Л.11об, 12, 15, 15об.
³⁷ ЦГА УР. Ф.Р-195. Оп.1. Д.1229. Л.86.
³⁸ ГАСПИКО. Ф.100. Оп.1. Д.99. Л.10-11.
³⁹ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. В 5 томах. Т.4. С.923.
⁴⁰ КПСС в резолюциях ... Т.6. С.63-64.
⁴¹ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.1096. Л.11.
⁴² Правда. 1932. №279. 9 октября.
⁴³ ЦГА УР. Ф.Р-195. Оп.1. Д.968. Л.6 об.
⁴⁴ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. В 5 томах. Т.4. С.153.
⁴⁵ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.1068. Л.30
⁴⁶ ЦДНИ УР. Ф. 16. Оп. 1. Д. 1096. Л. 22-23.
⁴⁷ Там же. Д.1407. Л.54.
⁴⁸ Там же. Л.77.
⁴⁹ ГОПАНО. Ф.2. Оп.1. Д.1298. Л.199-200.
⁵⁰ Зеленин И.Е. Политотделы МТС – продолжение политики “чрезвычайщины” (1933-1934) // Отечественная история. 1992. №6. С.56.
⁵¹ ГОПАНО. Ф.2. Оп.1. Д.868. Л.183об.
⁵² ГАСПИКО. Ф.100. Оп.1. Д.125. Л.4.
⁵³ ЦГА УР. Ф.Р-195. Оп.1. Д.1237. Л.26.
⁵⁴ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.1555. Л.51-52.
⁵⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. В 5 томах. Т.4. С.362-363.
⁵⁶ Там же. С.370.
⁵⁷ ГАНО. Ф.2. Оп.1. Д.868. Л.183-183 об.
⁵⁸ Правда. 1932. №279. 9 октября.
⁵⁹ ЦДНИ УР. Ф.16. Оп.1. Д.1985. Л.8об.

COLLECTIVIZATION IN UDMURTIA (VOTSKAYA OBLAST) AND KIROV OBLAST (VYATKA PROVINCE) IN 1930-1933

© 2010 O.N. Lekontsev

Glazov State Pedagogical Institute named after of V.G. Korolenko

The article is devoted to the collectivization process in 1930-1933 – from the sharp change of its course by J. Stalin and up to the famine of 1933. During that period collective farm building went on rapidly and by the end of the period more than half of peasants became collective farmers. Collective farms began to suffer from increasing tax pressure. In spite of increased level of agriculture, peasants got small supply of food, which in the end resulted in the famine of 1933.

Keywords: collectivization, peasantry, food procurement, agricultural machinery.